

Звёздные часы

*Моланта
Сержантова*

6+

Иоланта Ариковна Сержантова

Звёздные часы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56409173

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-00140-541-2

Аннотация

Сборник рассказов, новелл и эссе о природе и природе человеческих поступков. Циферблат звёздных часов велик, когда мал ты сам. Ход их оглушительен. Дни бесконечны и каждое обещание мнится приговором, всякий упрёк казнит безнадежностью навечно, любая малая радость – счастье.

Дизайн обложки : Иоланта Сержантова.

Содержание

Повод для печали	4
Никто	6
Честная жизнь	8
Звёздные часы	11
Филин	15
Ветер	18
75-лет Великой Победы	20
То, что так недолго...	23
Майский жук	25
Шалости	27
Нагнать пропущенную жизнь...	32
Стыдное дело	36
:)	40
Тулипан	42
Экзерсис	45
Циля и Тата	46
Что тогда?	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Повод для печали

Пятак луны оказался слишком велик для прорези небес, что был спрятан за облаками. Проскочив чуть больше, чем на треть, он застрял. Вмятины и царапины на боку указывали, сколь сил и стараний приложено к тому, чтобы завершить начатое. Но, ни мыльная пена облака, ни упрямство ветра не помогли протиснуться. Луна чувствовала себя стеснённой и опасалась за репутацию, которой могло сильно навредить нелепое или двусмысленное положение.

Её призванием было служить источником страданий скептиков и образом влюблённых поэтов, теперь же она могла стать причиной насмешек.

Летучая мышь, в полёте скрадывая дряблость крыл, уже дважды за вечер пыталась высказаться по её поводу. К счастью, не все прислушиваются к бормотанию рукокрылых, но в любом случае, это был дурной знак.

Одуванчики, стиснув зубы, малодушно поспешили сделать вид, что незнакомы, хотя именно они приветствовали луну поутру первыми. Конечно, были и те, кто, невзирая на пересуды, не скрывал своего расположения и, как прежде, доверчиво, глядя снизу вверх, сопереживал. Алиссум, гесперис, душистый табак, матиола, мирабилис, – каждый из них

по-своему проявлял своё участие. Да только энотера¹, обладая множеством прозвищ, но не имея второй души про запас, из сострадания выставляла крошечную свечу в каждой цветке в самый тёмный час ночи. Лепестки канделя² неизбежно обгорали к утру, и каждый вечер приходилось зажигать новые. Выходило так, что сроку жизни им было всего – до зари, но ради того, чтобы хотя издали утолить несчастье близкого друга, было не жаль ничего. Даже самоё себя.

Так и повелось. Стоило луне загрустить, как энотера, развлекая её, зажигала множество маленьких огней. А повод для печали всегда отыщется, и не только у луны.

С весны и до осени любовалась она на нежным мерцанием белых лимонно-жёлтых, розовых и голубых цветов, а по всю зиму скучала об нём. Даже с высоты своей мнимой отстранённости от земных дел, луна понимала – как это непросто, тратить свою жизнь для счастья других, на которое не суждено поглядеть иногда, даже одним глазком.

¹ ослинник, онагра, примула вечерняя и ночная свеча

² подсвечник

Никто

На каблуках поваленного дуба, мимо прошмыгнула белка, хочет казаться выше, кокетка. Пригнув голову, косуля притворно всхлипнула и стоит, ждёт чего-то. Шуршит слепой дождь соцветий клёна, пеплом роняя себя наземь, легко, не ранясь. Скрипит палуба по ходу дня, свисают снасти паутины. Чуть зазевался...

Губы утра покрылись молочной пенкой цветущих яблонь, черёмухи, диких груш и вишен. Плотные гардины зелени скрывают от сторонних взглядов наивные утехы весны. Лишь отголоски безыскусных приливов нежности, капелью прозрачных звуков о хрустальный сосуд любви, дают понять, что неспроста сия мера нерасторопности плотного этого шитья. Ибо даже то небольшое, которое переливается через край его малахитового кубка, столь изобильно, что кружит голову и заставляет забыть обо всём, невольно принуждая сделать шаг, куда не след...

И птичий шум, что казалось должен устыдиться, стать тише, срывается в крик, да так, что чудится, будто безудержный возмущённый гвалт сжимает объятия, окружая теснее со всех сторон:

– Кто же, кто же тут? – возмущается синица.

– Не вы, не вы, не вы... – успокаивает щегол.

– Вы... вы... вы... – убеждает поползень.

– Это я! Это я! – сомневается перепел.

– Вста-ань! Уй-ди-и! – почти ласково, по-отечески просит ястреб с неба, и бежишь, не глядя ни на кого, устыдившись порыва, прочь.

– Ха-ха-ха-ха! – насмехается дрозд вослед, и только ласточки, что поджидают у входа, утешают дружно, кружась над головой:

– Плюнь!.. Плюнь!.. Плюнь!..

Меж скамьёй и нагромождением камней, давно потерявших память – слоится, сияя алмазными гранями, кристалл паутины. Вот и всё, чем дано любоваться без утайки, не страшась изгнания и обидного смеха вдогонку.

– Кто же, кто ты тут? – вопрошает синица.

– Никто, никто, никто... – отвечает ей щегол...

Честная жизнь

– Дед, отломи мне половину яблока!

– А вторую куда?

Мы сидим с ним на дровах у сарая и слушаем птичий свист. Тот, как метроном, – отмеряет мелкими глотками ритм утренней жизни, отсыпая его всем поровну, рыхлыми зыбкими горстями, и вряд ли озабочен, – что там будет с нею дальше, на что пойдёт, растратится, к чему проведут все эти меры, – к рваному размеру сбивчивого дыхания неискренности или ровному, прощающему всё, робкому вздоху любви.

Молодая трава ставит галочки каждому прожитому дню стойкими зелёными чернилами. Они не расплываются даже от слезящихся росой глаз вечерних зорь. Но с каждым часом всё увереннее и жёстче, и мрачнее, увя. Напоенные печалью разочарований, как велит того обретение опытности, они уж не так хороши, но намного более стойки, супротив себя, в минувшем едва дне.

Теряя строгость форм, зарастает лес, скрывая ото всех, каков он. Преграждая путь всё настойчивее, не даёт ни ступить, не видеть, – что там. Где уронит с намерением ветку поперёк дороги, а когда и крикнет птицей:

– Эй ты, стой! Дальше не ходи! – да и шумнёт чем, на всю

округу, громко.

И от того остаётся лишь гадать, где причина этого звука: то ли лось стукнул обо что, то ли дятел, или просто – обломилась чья-то жизнь.

– Всего лишь?!..

– Обычное дело.

Частное бытие требует уединения, счастья, того, что вдали от пересказа и стороннего странниго³ мнения.

Делая тайну из общедоступного, но непонятного, скрывает и прочее, – порочное, прочно связанное с непростительно схожим, приземлённым собственным. Выходит по всему, что прилична тихая, из уважения, поступь и скромные, из любви к себе, взоры.

Нарочен ли чрезмерный душный дух цветов? Душит. Чем прозрачнее солнце, тем гуще их аромат, слышнее, гонит явственнее вон, ибо пора цветения, она не для всех. Но и созерцание, как причастность тоже даётся не каждому...

Борешься ли в любви. Ещё как. И рыдаешь, и стремишься прекратить эту муку, и рвёшь себя, как лист бумаги, надвое, где справа – всё то, что плохо, а слева единственное: "Я не могу без тебя!"

... Если Любовь, то теряешься раз и навсегда. Но не где-то там, на задворках чужого снисхождения, а в горсти того, кого любишь. Возишься там божьей коровкой, думаешь себе

³ Посторонний, пришедший со стороны.

чего-то там, смеёшься щекотно, просто ото того, что он – твоя половинка, если она твоя...

– Дед, отломи мне половину яблока!

– А вторую куда?

– Ну, не знаю...

– Разве возможно отделить часть яблока без боли, без того, чтобы не разорвать, не изранить? Бери-ка лучше целое или не трожь. Пусть ждёт своего часа.

– Жалко тебе, что ли?

– Не говори ерунды, слушай лучше, кто тебе ещё так вот как я , скажет. – Сурово перебивает меня дед и продолжает о своём. – Рыбы вон, и те рады друг дружке, надувают эти, как их, – шарики воздушных пузырей.

– Ну, что ж , теперь и рыбы не есть? – подзадориваю я деда и тот замолкает, расстроенный. Мне делается стыдно и я, как это бывало в детстве, прислоняюсь к нему тесно и шепчу, в большое, покрытое жёсткой щетиной ухо:

– Так какого такого часа мне ждать, деда? – тот морщится растрогано, и, чтобы скрыть старческую слезливость, отвечает отдельно и строго:

– Тогда, когда ты не захочешь никому причинять боли просто так, ради себя.

Звёздные часы

На закате облако кровоточило по краям. На это было так больно смотреть, что день крепко зажмурился и наступила ночь.

– Какое красивое небо...

– Да... уж...

– Пролилась вода из ковшика-то.

– Из какого... Ты что, выпил?! Я же просила! Нам всю ночь работать!

– Не пил я. Гляди, видишь – Большая медведица, вон те семь звёзд.

– Вижу.

– И ковш перевёрнут вверх дном!

– Ну и что? Разве то не всегда так?

– Нет, только весной. Он переворачивается и выливает всю звёздную воду на землю. От того-то приключаются дожди, что размывают снег.

Мы стоим во дворе типографии, я – зам редактора газеты, Генка – ответственный за один из её отделов, и мы «сто лет», как друзья, поэтому кто есть кто не имеет никакого значения. По всем канонам, я давно должна быть дома, возиться с сыном, жаловаться домашним на жизнь и готовить что-то

вкусное к завтрашнему дню рождения. Но в самом деле... Вышло так, как вышло.

С самого утра работа не заладилась. Для того, чтобы можно было сдать номер, не хватало приличной части из обещанных к сроку материалов. Конечно, в запасе кое-что было, но, как перца, не хватало чего-то живого, выдающегося, такого, что цепляет, словно заусенец и мешает спокойно жить.

Когда номер уже можно было отдавать в печать, оказалось, что наша типография внезапно занемогла и нужно срочно искать ей замену, на время, только чтобы напечатать тираж.

Место на удивление скоро нашлось, с одним, впрочем, условием, что собирать газету, складывая из полос так, чтобы совпадали страницы и сгибать их после, придётся вручную. За ненадобностью, волшебного слова «фальцовка» в этой типографии не ведали, листочки с объявлениями обыкновенно разносили по почтовым ящикам в неизменном виде.

И вот – мы стоим, ждём, пока распечатают полосы.

– Ну, не переживай. – успокаивает меня Генка. – сейчас нам их загрузят, соберём и поедешь домой праздновать...

– ...глубоким сном, – ехидно перебиваю я его и тут же, сквозь визгливую витиеватую брань, слышу грохот со стороны печатного цеха. Направляюсь туда и вижу, что один из рабочих вылил целую бочку чёрной краски на свежотпечатанные полосы, случайно об неё споткнувшись.

Молча окидываю взглядом присутствующих. Генка, который носит с собой в кармане железную чайную ложку, свёрнутую мной однажды от ярости в рулет, хрипло хохотнул, а мастер, скоро оценив важность момента, умоляюще прошептал фальцетом:

– Подождите, мы всё исправим.

– Как? – приподняв правую бровь интересуюсь я.

– Перепечатаем!!!

А это ещё два часа...

– Генка, сколько там на твоих?

– А тебе зачем?

– Да... так. Хотелось узнать, наступил мой день рождения или нет ещё.

– Наступил! Поздравляю тебя!!

– Ну, у тебя ж часов нет!

– У меня есть Большая Медведица! Смотри, вон те две звезды Дубхе и Мерак, это как стрелка, она крутится вокруг Полярной звезды, и если мы...

– Не забивай мне голову, а... – жалобно прошу я.

– Да там всего три действия, легко посчитать, это будет моим тебе подарком!..

Но тут, некрасиво скрипнув, открылись ворота типографии. Взмывленный мастер, подзывая водителя подождать машину, чтобы погрузить наш тираж, сказал устало:

– Никаких денег не надо, с такими работничками... эх.

К четырём часам утра мы с Генкой привели газету в привычный для читателя вид и связали для отгрузки на почту. Выйдя на воздух, остановились, задрав головы. Хотелось застать врасплох засидевшиеся на небе звёзды, – неумытыми, вымотанными, как и мы, но они ускользали одна за другой, быстро-быстро, таяли, словно рафинад в кипятке. Одна лишь Венера сияла бесстыдно на виду, изредка поправляя фальшивую бриллиантовую диадему, что то и дело съезжала с её головы. До звезды ей было, ох как далеко.

В автобусе я прятала руки, чтобы не было заметно стёртой, чёрной от краски кожи пальцев. Газету надо делать чистыми руками, и со светлой душой, а иначе...

Вскоре Генки не стало. Он так и не успел вручить свой подарок, но в любую из ночей, я нахожу его в темноте, где, сидя в ковше Большой Медведицы, он машет мне рукой.

Филин

Вагон, переваливаясь со стороны на сторону, как гусыня, будто баюкает. Потакая ему, раскачиваюсь в такт. Через мытое дождём оконное стекло видно, что солнце давным-давно съело весь снег без остатка. Немного утолив голод, оно осторожно тянет руки из своего студёного далёка, греет ладони подле бутонов купола церкви. Ветер тщится сдуть их огоньки, как свечи, и заодно сгоняет морщины облаков со свежего лика неба.

Сквозь чешую прошлогодней листвы, много думая об себе, спесиво попирая прошлое, пробиваются ворсинки травы. Но то лишь до осени, до ожога первого снега, до жёлтой седины утомления под его надзором.

Рыба в пруду истерично, чуть не оборвав, дёргает стебель кувшинки, словно вызывает кого в целомудренный сумрак своей опочивальни. Сквозь прозрачную кисею завесы окна ей слышно, как надрывно, томительно долго кашляет филин. Сонный, нечёсанный и отчасти нелепый, он вызывает отклик жалости в её холодной крови. Рыба утомлена невозможностью предпринять что-либо, и оттого же сердита:

– Не иначе у филина катар. Ему бы чаю с малиновым вареньем и пропотеть хорошенько, – ворчит она себе под нос, так никого и не дозвавшись.

-Ку-ку, ку-ку, ку... – Несносный педант, кукушка в который раз равнодушно сбрасывает чью-то жизнь со счетов.

Неподалёку – ласточка, ей нет дела ни до кого, – собирает, хохоча, пазл гнезда из комочков глины. Лесные пчёлы, расчётливые, острые на язык, тоже заняты своим, – хвастают наперебой детьми, посудой да не готовым ещё сбитнем, сбивая с толку ос и шмелей. Поёрзав в поисках тщетно, те принимаются приводить в порядок неубранную утрешнюю шевелюру вишен. До поры, пока ветер не прогонит взашей, взъерошив хрупкие букли, а то и вовсе сорвав их. Да хорошо, если только наполовину...

Трясогузка без дела прогуливается по помосту печной трубы, тёплой с зимы или уже согретой солнцем – то неважно, на сквозняке не услышать ей ничего, кроме усердия сердца. Сверху видно, как крышки крыш вздуваются одна за другой, вызволяя пену жизни, а вместе с нею, спёртым воздухом выходит обоснованная зимой предосторожность:

– Не выпускай тепло!

Улитка, продевая нитку вдоха в своё цыганское ушко, продолжает наряжаться к лету... И только рыба, укрывшись одеялом тины с головой, с досады укладывается спать, чтобы только не слышать надсадный кашель филина.

Вагон неспешно бьёт поклоны дороге по обе стороны, и в открытое окно, вместе с ветром, доносятся странные хрип-

лые вздохи птицы, так похожие на человеческие. Они тревожат, превращая томное укачивание в нестерпимую муку.

Рыхлый гриф неба разбит фонарными столбами на лады. Струны проводов провисли. Расстроена гитара пути – расстроен и я.

Ветер

Ветер гадал на лепестках вишни, желал знать, что с ним будет. Чтобы не тревожиться, не метаться понапрасну, не мечтать впустую. Если не теперь, то когда-нибудь, потом. Набрал горсть мелких монет листочков, кинул их в воду, прошептал: «На удачу...» Не имея своей воли, нежно тронувши ладонь влаги, лепестки, улеглись покойно, в ожидании решения своей судьбы: сомнут ли, помилосердствуют, как знать. Простоял напрасно ветер до вечера и ушёл расстроенным дальше, отирая со щёк дождь.

Всё вокруг изменчиво, а он – безлик. У всего есть характер и цвет, не меняется лишь он один. – так думал ветер, и некому было разубедить его.

Но кто вплетает в седые косы дождей бутоны, почтовым голубем рассылая любовные письма от цветка к цветку, как не он. Кто, чтобы только доставить радость, подносит ближе к близоруким глазам луны тунику снежной пыли, с заботой о ней, тоскующей участливо долгой зимней ночью. Она ль не ищет взглядов, и сияет понапрасну, по то же тратится на серебро и свечи?! Заботой ветра – всё витает в облаках...

Провожать утомлённых дорогой, позволяя им облокотиться, предоставив спину, – тот ещё труд, а и преградить

путь, кому не след⁴, – тоже его печаль. Всё – ветер...

Немало птиц никогда б не увидели Родины, кабы не он. Весь мир в распоряжении его власти.

Вот говорят: «Ветер принёс...», и полагают, он – лишь то, с чем пришёл. И, хватая, что под руку, – воду ли, снег иль песок, он срывается штормом, метелью, песчаной бурей, от того, что, сказавшись посыльным однажды, об себе слишком сложно сужденье сменить.

Не желающий быть покорённым, покорным не будет.

⁴ кому не следует

75-лет Великой Победы

День в Москве начинается с того, что прямо с поезда иду к Могиле Неизвестного солдата... Ребята из полка охраны всегда узнают, встречают улыбаясь, отдают честь. Не знаю, как они рекомендуют меня, перепоручая следующим, их много сменилось за пол века, но открывают ворота, позволяют пройти в Александровский сад и грустят издали вместе со мной, наблюдая, как стою у Вечного Огня... Всматриваясь в мерцание пламени, я пытаюсь уловить больше, чем заметно, понять сверх дозволенного. Каждый всполох чудится чьей-то истраченной раньше отпущенного жизнью. И после, в течение целого дня, как только удаётся, навещаю это святое место... Вечная память...

Все годы после 1945-го можно считать послевоенными. Пережитое передаётся из поколения в поколение, вместе с завёрнутыми в новое полотенце письмами с фронта, и с детства знаешь, что они лежат для сохранности на дне голубого сундука, обитого по углам железом. Ты столько раз слышал, как мама пряталась от бомбёжек под стол, что кажется, будто был тогда рядом с нею и прислушивался к нарастающему вою самолётов.

Детство прошло в отражении зеркала пережитого родными... Дедов уж нет, некого порадовать вниманием. Но не за-

будется их пронзительный тост, и чёрный взгляд вослед уходящим в Вечность товарищам, да тихое, горестное: «Эх, славяне...»

С годами становится всё проще понять, как легко было им, тем, далёким и близким, не воспользоваться бронью. Как страшно, до ломоты в сердце страдали они вдали от жён и детей, но делали для них, для Победы всё, что могли... Только так и может быть писать, с большой буквы: По-бе-да. Как обо всех, не имеющих срока давности, делах, которые не заканчиваются одним днём...

Сквозь ветра вой и сечение водных струй по жёсткой от обилия влаги траве не слышно дум, но хорошо видна размокшая грязь оплывающего окопа. Насколько далека беда от Победы? Что нас делает такими, какие мы есть? Смогли бы, вот также вот, как они? Это мучает.

Сыро, зябко, грустно...

Очень часто мы требуем от других того, чего не можем дать сами. Справедливости. Участия. Искренности. От того-то ли и существует искажающая истину полуправда, чтобы быть понятной всем? Но она лишь жалкое её подобие. А правда сама по себе в том, что каждый из тех, кто ушёл воевать, очень хотел жить, и надеялся вернуться.

Солнце, укрывшись с головой, читает, прихватив фонарик, но рассеянное его пятно пробивается, всё-же наружу

так, что заметно, как красивы светло-серое небо, и рыжие деревья с веснушками зелёных листьев... Свет правды всегда находит себе дорогу, даже если на поле боя уже не осталось никого.

То, что так недолго...

Аромат мяты кусочком льда скатился прямо в горло. По-лынь горчила даже на вид, а чистотел дурманил на расстоянии пары саженей. Трава росла не абы как, а сразу – букетами, стогами стриженных клумб вздымалась от самых корней, немного отстраняясь от земли, как бы не желая пачкать тонкие белые пальчики.

Цветущая зелень так рьяно казала свой норов, что в голове будто намеревались бить колокола, с минуты на минуту. Шмель, почуяв неладное, облетел округ, и, потянув за незримую бечеву, как за поясок халата, принялся уводить понемногу всё дальше и дальше от остро пахнущей кромки леса. Заставляя по пути вглядываться в каждый бутон, он усаживался, аккуратно и деловито оправлял юбки цветка, предоставляя запомнить его в том самом, лучшем виде, которое длится столь недолго, но, оставляя впечатление о себе, неизменно подправляя последующую немощь. От старания он был весь, с ног до головы в поту росы. Казалось, шмель всего один на весь лес, и принуждён приласкать всякий из тысячи цветов в округе. Ибо, если не он...

Стрижи тем временем стригли воздух, ласточки ластились к нему, как и синицы, что силились лхнуть к небу, под цвет которого красили чубы каждую весну. Дятел привычно

вертел ручкой деревянного барабана мельницы на весь лес, выходило не быстро, но звонко. Ворону так нравился этот звук, что, когда дятел уставал, тщился раскрутить его с размаху сам, но чересчур спешил, и от того каждый раз пролетал мимо.

Солнце застряло в рогатине ветвей, виноград потянулся было к нему, подпалить самокрутку листьев цвета молодой капусты, но слишком уж свеж и юн был он для того, не сумел.

Намыленный туманом горизонт, силясь удержаться на месте, мелко дрожал. Ему хотелось смыть с себя поскорее эту неопределённость, ясности хотелось, чистоты, и...

Минуя известный срок, небо, выплеснув остатки дождя на землю, отжало облако и повесило сушиться поближе к солнышку.

– Проветрится и уберу уж до осени, – решило оно.

Майский жук

Налитой кровью глаз майского жука смотрел прямо на меня. Я едва не раздавил его, неловко поскользнувшись, и теперь, когда мы оба избежали незавидной участи, глядели друг на друга, с трудом переводя дух.

Жук был какой-то непричёсанный, невыспавшийся, поношенная, в мелкую полосочку пижама, выпачканная бело-жёлтыми чешуйками, словно яичной скорлупой, сидела криво: одно плечо выше другого, на спине разошлась прямо по шву, край так измят, что смотреть тошно. Жук был явно местный, не так, чтобы опасный, но, по всему виду, довольно вредный.

Помешкав немного, я осторожно взял его на руки. Осмотрел со всех сторон, чтобы не изломать богатых усов, похожих на рога сохатого, и усмехнулся:

– Ну ты, жук, прямо как подгулявший матрос, не иначе.

Тот насупился, хотел было даже обидеться, но передумал, так как и впрямь был полосат, а всю его грудь покрывали желтоватые, как бы пропитанные духом махорки волосы.

Не смея ставить под сомнения мужественность жука, но желая определённости, я предположил, что он парень, а не девица:

– Я прав?

Жук прислушался, похрустел плохо подогнанной пла-

стинкой губы и кивнул едва заметно, с трудом разобрав человеческую речь.

– Ну, конечно, барышни ваши любят на всё готовенькое, дней десять, а то и все две недели будут тянуть, прихорашиваться. Было б что там, – краснощёкие, черноусые, смех, да и только...

Жук прервал меня, возмущённо заёрзал, небожно, но ощутимо царапая ладонь.

Я понял, что переусердствовал в своих рассуждениях о красоте.

Майский жук, от того и майский, что сроку маеты жизни его – ровно на тот самый последний весенний месяц. И гудит он в этот месяц на полную, от души, так, чтобы навсегда разом, каждый день – пляски до утра. Ну, а уж после, как водится, – свадьба, детишки.

Говорят, что по всем законам механики⁵, майские жуки летать не должны, но вот – летают же, далеко да быстро. Ходят слухи, мол, – нет им равных по упорству. Коли чего задумают, непременно добьются. Ну, а мы-то, понятное дело, не жуки, чего ж нам маяться-то, недосуг.

⁵ раздел механики сплошных сред, аэродинамика

Шалости

Мышь сидела на листе кувшинки, который едва заметно раскачивался, но не до такой, впрочем, степени, чтобы быть причиной морской болезни.

«Морская болезнь... ну и где тут море?! Сказать кому, засмеют. Мне и глубины пруда хватит, чтобы утонуть.» – думала про себя мышь и силилась припомнить, как попала на середину водоёма. Невозможность восстановить ход событий, лишь отчасти была причиной её исступлённого состояния. Следуя совету семейного доктора, она питалась по часам, а обстоятельства принуждали нарушить привычный порядок...

– ... или попытаться утолить голод тем, что есть... – произнесла вслух касть⁶, обдумывая создавшееся положение. Окинув взглядом лист, ей стало понятно, – тот не слишком велик, так что, начини она грызть его прямо сейчас, то к обеде окажется по уши в воде, а плавать мышь не умела совершенно.

Не сумев перекусить ни упавшим с вишни муравьём, не мухой, присевшей передохнуть, мышь вознамерилась-таки отломить небольшой кусочек листа, с самого края, и тут...

– Я вижу, вам не терпится познакомиться с обитателями

⁶ мышь

пруда, моя дорогая. – Подала голос крупная рыба в белом, судя по всему, подвенечном наряде, что прихорашивалась тут же, в тени листа.

– Отчего вы так решили, – смутилась мышь.

– Да от того, что, покусившись на благополучие места, на котором расположились, можете распрощаться с собственным! – слегка надменно откликнулась рыба.

– Да как же это! – всплеснув руками, мышь, мелко и осторожно шагая, отошла с края листа на середину. – У вас праздник... – участливо вздохнула мышь, обращаясь к рыбе немного погодя.

– Свадьба! – откликнулась та охотно. – Гостей мы не звали, но коли кто решит нас поздравить... – кокетливо добавила рыба.

– Примите мои поздравления! – несчастная мышь была, несомненно, доброй девочкой. Расположение в её голосе были столь искренне и безыскусно, а принимая бедственное положение, до такой степени отважно, что рыба от неожиданности сконфузилась:

– Благодарю вас, моя дорогая и прошу меня простить. Я была несколько... непростительно груба, но, право слово, ненамеренно, не со зла. Дело в том, что лист, на котором вы изволите располагаться, коль его потревожить, тут же пойдёт ко дну. На вид он вполне силён, но держится на плаву исключительно из-за спрятанных под его щекой воздушных

пузырьков⁷. Они там сами по себе, шуршат чем-то по ночам, мы в это не мешаемся.

– О... – только и могла сказать в ответ мышь, ибо бурчание в её животе досказало всё остальное.

– Вы знаете, – продолжила рыба, – если не побрезгуете, у нас тут, со вчерашнего дня лежит, ещё свежее, нам не по зубам, а вам в самый раз. Рыба метнулась к дальнему берегу пруда и скоро вернулась, толкая перед собой ещё не оплавленного слизью жука.

– Это мне?! – мышь не сразу решалась принять угощение, даже несмотря на то, что была голодна, и уточнила из вежливости ещё раз, – Это удобно? Вам же к столу... Придут гости, мало ли...

– Даже и не думайте отказываться. – Рыба была непреклонна. Я не смогу веселиться, зная, что вы тут одна, в таком бедственном положении. Кстати же, вон идёт мой будущий супруг, я вас представлю.

Красный, с искрой пиджак, сидел на новобрачном безукоризненно. Подойдя поближе и обнаружив на листе кувшинки мышь, он был не то, чтобы растерян, но смущён до крайности и даже несколько встревожен:

– Дорогая, можно тебя на минуточку, – окликнул он невесту, ослабившись в сторону мыши:

– Она ещё здесь?

– Станный вопрос... Впрочем, что ты имеешь в виду?

⁷ аэренхима

– Видишь ли...

Багровея в тон костюму, молодой человек поведал о том, что накануне ночью, они с мальчишками расшалились и дотянули стебель кувшинки до самого берега, а мышь переступила на него в темноте, не распознав сослепу куда идёт. Молодёжь, в восторге от затеи, вернула лист на прежнее место в центр пруда уже вместе с пассажиром, да после увлеклась тем самым жуком, которым теперь закусывала мышь.

– И ты, ты не вспомнил о ней? И спокойно спал, пока эта несчастная дрожала на сквозняке?!

Жених был более, чем сконфужен, но молчал.

– Сейчас же! Сделай то, что должен, или никакой свадьбы не будет. – сказала рыба и, подобрав хвост платья, ушла в глубину.

Надо ли говорить, что усилиями друзей и родственников жениха лист кувшинки был немедленно причален к берегу и, окружённый ими со всех сторон, не шелохнулся, покуда все четыре розовые пятки мыши коснулись суши, дабы не сделаться причиной ещё бОльших неприятностей.

...Свадьба прошла с размахом. Всё, чему было положено кипеть и пениться, пенилось и кипело, гостей собралось ровно столько, сколь и положено в таких случаях, а почётное место за столом, по правую руку жениха, занимала скромная мышь в сером бархатном платье. Выставленное на берег

специально для неё кресло, для надёжности было обвязано крапивой. Хозяева обращались к ней «на вы», а среди гостей прошёл слух, не загадывая, впрочем, наперёд, что не иначе как именно ей выпадет случай стать крёстной будущих ребятишек.

Шалости... Они хороши, коли не причиняют никому вреда. Да всегда ли нам есть дело до тех, кто рядом? В паре шагов, на расстоянии взгляда или прикосновения вытянутой руки.

Нагнать пропущенную жизнь...

Игра ... бестолкова... на первый взгляд, на самом же деле, развивает... пошлый, уродующий суть мироздания навык активного потребителя. Избежать навязанный алгоритм невозможно. От того становится тошно и немедленно хочется избавиться от внешнего управления активами собственного сознания.

(Из отзыва к компьютерной игре)

Грязноватый запущенный мужик с обезьянкой на соба-чем поводке стоит спиной к Московскому вокзалу, нарочито тоскуя, рассматривает Невский сквозь толпу и монотонно просит: "Подайте..."

Неподалёку молодая пара, он в твидовом пальто, она – юная, нервно держится за ручку чемодана: "Помогите собрать денег на билет, обокрали".

С наступлением темноты обе группы воссоединяются и мило беседуют. У парнишки невероятно красивые воровские глаза. Девушка просто миленькая.

Очевидно близка с тем, кто просит под обезьянку. Они понимают, что живут?

Дорога... Круглые окна старинной башни в опасной близи от рельс закупорены тряпками. Те обветрились, покры-

лись пылью и стали похожи на барельефы. Лики львов проступают столь явно, что хочется убедиться в том, потрогать, провести пальцами по широким их носам. Но тщетно. Поезд проходит мимо мнимых львов. Ведомые притяжением далей, мы покорны ему и надеемся, что наверстаем упущенное, когда -нибудь...

Нагнать пропущенную жизнь... Разве это возможно, не бояться потерять её, и из-за этого страха, либо по недомыслию не совершить не то, что великого, но и с малым не совладать.

Время, как явление природы, к нему бы, да также бережно, как... Смешно. С чем мы нежны? В чём бы человек ни находил удовольствие и отдохновение, – в пустозвонстве суеты или зрелом созерцании, – это рекомендует его лишь отчасти.

От Триумфальной до Моховой дышится широко, просторно, подстать улице. И, после пары вдохов смущаешься не вдруг, одёргиваешь себя. Жить... в своё удовольствие? Неловко как-то, не принято.

Сторонние гости, те не обременяют себя суетой сантиментов. Фотографируются, шутейно или всерьёз, удерживая на ладони Покровский собор, чуть не лёжа на камнях Красной площади. В Эрмитаже и Третьяковке ищут портреты похо-

жих на них вельмож и снимаются подле, как с родственниками!

Неглаженные колени туристов из Великой, по их досужему домыслу, Британии вызывают отвращение. Их желается закутать в клетчатые пледы, и, опоясав ремнями, как чемодан, выслать за городскую черту.

Встреча с колоритной парочкой у Третьяковки: он в шортах и сандалиях, она в кроссовках, почти ночной рубашке и шляпке, напомнила об опере в Кремлёвском дворце съездов, куда иностранцы приходили в шубах и джинсах, нивелируя «Пиковую даму» до «Кошек». Наши, облачённые в лучшее, стыдились глядеть, чтобы не сконфузить. А тем всё равно, – пузыри из жвачки, вертят головой по сторонам ковбои... Стыдоба.

Сонм китайцев, такое ощущение, что они повсюду. Про Китай-город врут, что он – их рук дело, у стен Эрмитажа стоят потупившись. Пионерский строй японцев, по двое бредущих за гидом, в руках у которого опознавательный кружок, цифра или флажок.

Индусы в пиджаках, которые не сходятся у круглого рубца на середине живота. Их пухлые спутницы в сари и надетых поверх свитерах ядовитых оттенков, мало смущаются своих пышных фигур и не стыдятся сниматься на карточку в инте-

рьерях покоев русских царей.

А по Сенатской бесцельно бродит фальшивый Государь с фавориткой, на Никитской стаптывают обувь двойники Ульянова и Джугашвили...

К чему эта фальшь? Выйдя из музея, все сувенирные лавки хочется снести бульдозером.

Мир слишком велик, чтобы состязаться со всеми подряд. Станешь нагонять чужую жизнь, не успеешь взойти в последний вагон своей собственной. Нагнать пропущенную жизнь... А надо ли?..

Детский голос в толпе:

– Я с китайцами в Эрмитаж не пойду.

И женский, ему в ответ:

– Дорогу, китайцы! Расступись! Иди за мной, сынок.

Стыдное дело

Собираясь спать, я подошёл к окну, чтобы приоткрыть его. Вместо песни соловья, в комнату полился мерный ручеёк разговора со скамейки под окном. Разобрав, о чём он, я не решился уйти, а стоял и мёрз, переменяя озябшие от холодного пола ноги.

– Человек тянет одеяло природы на себя: рыбки в банках, птицы в клетках, собаки на цепи. Думает, что знает, как им лучше... Как он может об этом понимать, если не умеет устроиться, как следует, сам?! Суетится бестолку по всю свою жизнь. А зачем?

– Да, ладно тебе, что ж он, их всех дурнее? Наверное, знает зачем.

– Куда там...

– Неужто им в тепле хуже, чем, к примеру, в холодном осеннем лесу? Вода льётся за шиворот, ноги мокрые, чаю горячего хочется...

– Чудак-человек! Это тебе за шиворот, а по густому меху капли дождя скатываются, до кожи не достают. Горячего не хочется, ибо привычки к этому нет, а жирное если что покушали – так кисленьким закусят! В норе, на лёжке – тепло и сухо. Конечно, если человек не вытоптал, не выкосил, не сжёл!

– Не ихнего ума это дело...

– Ты мне не перечь! Да чьего ж тогда!?! Вот выйди во двор безо всего, к вечеру так простынешь, что в себя не придёшь.

– Ну и что? Кто к чему приспособлен. Я -то вот подумаю ещё, как мне пойти, что в какой час надеть-обуть, а зверьё твоё без рассуждения, куда ветер подует, туда и отправится.

– Ты это в самом деле? Они ж не сор, чтобы их ветром мотало туда-сюда. Вот, к примеру, моя лягушка на огороде, что промеж двух прудов. Землю под картоху перекапывал, так её с комом земли вывернул на свет Божий. В руки взял – камень камнем. Да помаленьку оттаяла, ожила, и прямо на глазах превратилась в царевну: глаз с поволокой, платье в драгоценную мелкую сеточку, дышит мелко, переливчато так, занятно. Я её в воду, в большой пруд отнёс, жалеючи, живое же! И что ты думаешь, – посидела она на бережку, обсмотрелась вокруг себя, да пошла в другой пруд, что поменьше. Сама слабая ещё, ползёт не враз, хоть и тяжело, но туда старается, куда ей самой надобно. Почему, спроси, – я ж её, вроде, на простор, чтобы, значит, дышалось легче, а она ушла в тёмный, мелкий, тихий... обитый мягким войлоком водорослей и раскисшей виноградной листвы..

– Выходит, у неё свой резон.

– Ты ж только говорил, что не её это дело, выбирать, куда идти!

– Ну, мало ли...

– Да, ладно, я не об резоне, понимаешь, а про смысл всей

этой суеты.

– Так – жизнь, она такова, ведёт по умыслу, своему, а куда, зачем – кто разберёт.

– Да по правде-то, в их жизни, в звериной, смысла поболее нашего. Гляди-ка вон, птица, – веточки- травинки сплетёт, скрепит чем, обмажет, тёплого положит, нанесёт туда яичек, высидит, выкормит птенцов и – на волю. Да как запоёт! – и после ещё поёт.

– Так и что? И человек поёт.

– Ему другие поют. А он сцепит зубы, тянет ляжку и слушает.

За окном замолчали. Я основательно продрог и, переждав минуту, уже хотел было уйти, но ветер донёс до меня продолжение разговора:

– Слышь, а о чём они поют?

– Люди-то?

– Да не, птицы.

– О жизни поют, о счастье, об любви.

– Ну, так и люди про то!

– Э... нет! Птицы поют о своём, о себе.

– А люди?

– Они тоже о любви, да только о чужой, как о собственной. Бегут за ней, словно за морковкой, а сами-то и вкус её позабыли давно, вот и все дела.

– Грустно...

– Не то слово. Ведь для любви здесь люди-то находятся, для неё одной.

Голоса смолкли, уступив вдруг место птичьему, в разнобой, хору. Против обыкновения, его звуки вызвали завистливое недовольство и горечь, от которой ощутимо щемило сердце.

Я прислонился горячим лбом к стеклу. Стало видно, как ночь осторожно идёт по дороге: не пылит звёздами, луну несёт обёрнутой для сохранности тёплым платком, и потому нет никакой возможности разобрать, кто там спорит за окном. Было понятно, что, доведись этим, двум беседовать при свете дня, разговор шёл бы совсем о другом: о дровах, о покосившейся стене сарая и про дороговизну... Про что угодно, кроме любви. Стыдное это дело.

:)

Мятое мятное заспанное утро, с привкусом корицы и голубого ликёра неба. Эх... пенного бы ещё, шипучего, чистого, как слеза... моря... Деревянного стука клюва о гальку, – то чайка выживает застрывшего во время прилива малька. А он вертится, хлещет птицу по щекам:

– Не смей! Оставь!

Да где там... Если только спугнёт кто чайку вдруг, а та взлетит тяжело, да выронит рыбёшку в воду, ухмыляясь. Была б голодна, удержала.

Двоеточие и круглая скобка, это не черед знаков препинания, а привычный уже ритуал перерождения эмоций, вырождения их. После пары лёгких касаний, из-за бамбуковой завесы единиц и нулей, выглядывает насмехающееся дебелое желтушное лицо колобка. Не утруждая мускул лица видимым выражением душевных мук, не нагружая сердца излишним биением, капнув птичьим помётом точки, лететь дальше, угнездившись между мягкими подушками дивана, на насесте стула... как угодно, но, не останавливаясь, мимо..! Бочком, не умея втянуть живот, не задерживаясь подле чужих жизней, сторонясь их невыдуманных бед, не привыкая к вымышленным богатым именам и пышным заимствованным биографиям. Так – проще, минуя обязательства принять на

себя вину за что-либо, на всякий случай.

Сова летит, ровняясь на крахмальный ажур свежей яркой скатерти леса. Приятно переложить часть усилий на ветер, не трудится над ритмом взмаха крыл... От того ли так часто её товарки⁸, позабыв, как это, летать самим, сбрасывают ком перьев наземь, исчезают, воспарив насовсем?..

Двоеточие и круглая скобка :) , пуговица на чересчур короткой ножке ниток, что позволяют лишь выглянуть из-за угла прорези ткани, а дальше – ни-ни.

⁸ товарищ (жен.)

Тулипан

Небо сердилось, угрожало неприятностями, а лепестки яблонь под руку со снежинками безмятежно вальсировали, добиваясь благосклонности вальяжно раскинувшейся травы, снисходительно наблюдавшей за нелепым танцем.

Май плакал, не переставая. Филин, сколь мог, сердито выговаривал ему, но дорожка непросохших с вечера слёз вела уж в лес, а там...

Мороз совсем некстати настиг земляного червя⁹. Лишённый сил прямо посреди тропинки, он неспособен был сойти, лежал безвольно студнем. Листья одуванчика желтели в такт рыжим головкам, а грибы до того продрогли, что рассыпались под одним лишь взглядом в их сторону.

Маленькие зелёные вишенки, как старички, трясли одутловатыми щёчками под кудрявой плешью венка из цветов, водружённого на них, сонных, ради смеха, некстати расшавившейся подружкой. (Вот уж, девчонка...) Она-то и поведала о том, что...

... Неподалёку, прямо из горсти сора у дороги выросли два тюльпана. Один, что повыше, явно парень, и невысокая ладная девчушка. Она стоит, спрятавшись за крепкую

⁹ дождевой червь

ровную спину друга, сияя обилием, красотой и невозможностью скрыть свои прелести вполне. По всему видно, парень немного старше и, чтобы уберечь сестрёнку, ему приходится терпеть немало неприятностей. Раскинув лепестки рук, он укрывает её от скучающих взглядов прохожих, способных сорвать цветок и тут же бросить себе под ноги, от камней, которыми швыряет со скуки дорога и от пыли, коей часто чихает та на все четыре стороны.

Много повидавшая на своём веку, обыкновенно она куда-либо спешит, – переделки старого не стоят её внимания, но, проходя мимо этой парочки, она каждый раз задерживается. Из любопытства познать причину, что заставила лилейных обосноваться тут, вдали от клумбы, цветника или хотя бы палисадника под окном. Не решаясь на расспросы, но лишь присматриваясь к жизни-бытию этих двух тюльпанов, дорога смогла нащупать путь к своему, похожему на явь, мнению.

Нарочно или случайно, ещё детьми, цветы были выброшены вместе с прочим мусором, как это часто бывает, на дорогу. Прямо так, в летних пелёнках персикового цвета. Сперва они чуть не попали под колёса, затем едва не оказались расплющены сапогом редкого сорок седьмого размера... Очень скоро стало почти невозможно угадать в них прежних, нежных и доверчивых малышек. Именно такими, – едва живыми, напуганными, в синяках и ссадинах, их и нашла полёвка. Покуда она перетаскивала луковички по одной, поближе

к норе да обеду, ворон, заметив суету, спугнул мышь. И тут пропасть бы двум ребяташкам без проку, без времени, но случилось идти мимо дождю, который, вскипев от возмущения, принялся стучать мелким острым кулачком по столу земли, добиваясь правды, да так звонко, что проделал не дыру, но небольшую ямку, которой хватило, чтобы укрыться им двоим от дурного глаза непогоды. Так и живут теперь два тулипана¹⁰ подле мешка с мусором, из которого выпали, да у дороги, что их приютила. Красят место, а не наоборот...

...Едва досказав, девчушка с железным характером и окалиной вишнёвой косточки внутри, принялась за шалости вновь... Было нечто в этой истории, что близко касалось её, но спросить – так это или нет, не решался никто.

¹⁰ Тюльпан, тулипан, луковичное, степное растение Tulipa

Экзерсис

11

Чёсанный чуб дикого ячменя воистину дик и необуздан, глядит повесой исподлобья. За мутным ламповым стеклом одуванчика горелый потухший фитиль стебля.

Пологий пригорок, поросший мускари¹², словно заставленный голубыми свечами стол.

Ландыши под липой весь день, с самого рассвета, носят драгоценные ожерелья крупного жемчуга, а к вечеру переменяют их на самодельные бусы, унизанные изнанкой кукурузных зёрен. И вот уже комары тонко отточенным жалом карандаша обводят облака по контуру, через кальку луж...¹³

Туча, задрав лапы, катается по небу пушистым щенком, а чёрная гадюка с белой душой, ощутив биение шагов ли, сердца, отползает с тропинки в сторонку... медленно, стараясь не напугать.

За прядью леса не рассмотреть друзей, не распознать врагов. Тот, кто ищет тебя, выйдет навстречу, а как отыскать того, в ком нуждаешься сам?

¹¹ Система упражнений для совершенствования техники

¹² Гадючий лук, или Мышиный гиацинт, или Мускари (лат. *Muscári*) – род луковичных растений семейства Спаржевые (*Asparagaceae*)

¹³ комары вылетают, как только зацветают ландыши

Циля и Тата

«С глубокой печалью в Российской академии художеств узнали о кончине заслуженного деятеля искусств РСФСР, почётного академика Российской академии художеств Татьяны Ильиничны Сельвинской, известного московского деятеля культуры и искусства»

Сообщение пресс-службы РАХ

В августе 2006 года не стало удивительной женщины, знакомством с которой очень дорожила, Цецилии Воскресенской – падчерицы поэта Ильи Сельвинского, он называл её «дочерью номер один». А нынче, холодным майским днём настал черёд родной дочери Сельвинского, Татьяны.

Циля и Тата. Буду помнить... восхитительную волшебную атмосферу квартиры Сельвинских в Доме писателей по Лаврушинскому переулку. Это как сургуч на сером плотном конверте заказного письма. Гладкие лакированные края печати превращаются в пыль, но остаётся сросшийся с распаренными порами бумаги след. То – распахнутая некогда душа, к которой прикипела навечно изысканная утончённость преисполненного любви взгляда на мир и пристального – к себе.

Москва – она такая... солёная. Не от той соли, из-за кото-

рой снег превращается в кисель. Но от того, что составляет её особое значение, теряющееся в пропасти вечности смысла.

Кивнув степенно в сторону Перепёлкина переулка¹⁴, не откроется больше тяжёлая дверь в просторный подъезд. Скрадывая эхо шагов, не скрипнет ажур векового лифта.

Сотворённое иными – всё оно будет не так, не таким.

Элегантные речи и плотное кружево скатерти, замысловатые коридоры покоев и взгляд, не обращённый на тебя, но одному лишь тебе доступный, как раз и навсегда сложившиеся звёзды над головой, с передоверенным смыслом тайны, и улыбкой на прощание... Тем, штучным товаром, которого не купить ни за какие деньги, нигде.

Прогуливаясь вдоль железнодорожного полотна, прислушиваюсь к тому, как галька хрустит под ногами. Представляется, что где-то там, впереди, сонно потягивается прозрачная волна в прилично задравшейся белой юбке...

Серая ворона запыхалась в поисках гибких прутьев для гнезда. А они всё ломаются и ломаются, как жизни. Одна за другой...

¹⁴ Ордынский тупик, Якиманка, палаты XVII—XVIII веков постройки

Что тогда?

Снисходительность к сторонним обычаям, но неприятие их, – единственно возможный вариант отношения к чуждой культуре.

Иной подход гарантирует разрушение общества.

В.И. Ленин, владеющий несколькими иностранными языками, был противником уничтожения самобытности, путём использования иноязычных терминов и обрядов.¹⁵

Быть русским – значит пестовать традиции!

(Из научной работы по терминологии)

I

– Не говори мне этого!

– А что такого?

– Сколько раз мне повторять, чтобы ты разговаривал по-русски, без этих, иностранных словечек.

– Подумаешь...

– Вплетая последовательность звуков чужих слов в ткань родной речи, прививаются понятия, которые, с течением времени, приводят к порокам национальных устоев и разру-

¹⁵ (В.И. Ленин «Об очистке русского языка», 3 декабря 1924 года)

шению ткани духовной жизни народа.

– Ну, а я тут причём?

– Ты и есть народ...

Чем лучше я понимаю смысл иноземной речи, тем бережнее отношусь к родной. Избегая заниматься главным, человечество придумывает себе занятия и слова, которые сопровождают их на этом пути. Новое дело, впечатления, опыт позволяют ненадолго ощутить полноту бытия. Начинает угадываться цель жизни... Однако всё познанное неизменно лишь до той поры, пока не оспорено размышлениями более высокого порядка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.